

Перевод: Simlirr

Редактор: Naidес

— Возвращайся к себе домой и плачь там, если хочется. Тебе не кажется, что ты тут немного портишь праздничную атмосферу? — Минлань говорила негромко, но тон её голоса был твёрдым и холодным.

— Но я всего лишь... — придя в себя после удивления, всхлипнув, ответила вторая госпожа Бин.

— Все прекрасно знают о том, что произошло с братцем Тинбином. Все переживают за тебя. Неужели так трудно сдержать слёзы в ситуациях, которые к ним не располагают? — проворчала Минлань и, переведя взгляд на пожилую госпожу Цинь, которая явно собиралась что-то сказать, добавила. — Что, если бы ты принялась жаловаться и разрыдалась на свадьбе Тинцань? Если ты посмеешь навлечь этим на неё несчастье в день свадьбы, тебе стоит вырвать язык!

Пожилая госпожа Цинь, сидевшая до этого в напряжении, расслабила плечи и промолчала, лишь мельком взглянув на Минлань. Вторая госпожа Бин больше не осмеливалась плакать и лишь сидела, замерев, с широко распахнутыми глазами. Она явно пребывала в лёгком шоке.

— Когда братец Тинбин сидел в тюрьме, братец Сюань принял на себя все его дела, — медленно произнесла Минлань, смерив её взглядом. — Братец Сюань трудился в поте лица, часами носился по поручениям каждый день. И иногда ему даже приходилось ждать по полдня на пороге министерства наказаний! Ему приходилось постоянно улыбаться и льстить всем вокруг, и зачастую у него даже не было времени, чтобы нормально пообедать! Все мы видели это собственными глазами! Не важно, насколько сестрица волновалась о своём муже, при всём при этом она ведь никогда не останавливала его. Я ещё молода и не так давно живу в этой семье, но даже я была тронута этим. Увидев это, я решила, что вышла замуж в действительно хорошую семью, в которой братья дорожат друг другом, и все члены семьи едины. И даже так... Вторая сестрица Бин, почему-то ты до сих пор недовольна. Братец Тинсюань и братец Тинбин родные братья, а ты даже ни разу не поблагодарила его.

Когда госпожа Сюань услышала слова Минлань, на её глаза навернулись слёзы. Заметив это, Тинбин подошла и взяла её за руку. Затем они сели рядом и соприкоснулись головами.

Из-за монолога Минлань вторая госпожа Бин потеряла дар речи, её лицо, прежде пунцовое, побледнело. Четвёртая пожилая госпожа была рада увидеть это, пятая пожилая госпожа же недовольно воззрилась на Минлань и заявила:

— Да, племянница, ты, конечно, права, но твоя сестрица Бин старше тебя. Как ты можешь

отчитывать её столь жёсткими словами? Ты должна выказать ей хоть какое-то уважение... — но не успела она договорить, как четвёртая пожилая госпожа перебила её.

— О боги, сестрица! Я с тобой в корне не согласна. Как по мне, наша племянница совершенно права! В столь праздничный день жена Тинбина повела себя слишком невежественно. Не важно, насколько сильна её грусть, она должна была дотерпеть до дома. А она устроила эту сцену перед всеми старшими и перед детьми! Ну что это такое?! Ах!.. Наша племянница Минлань сказала всё это лишь потому, что она не относится к нам как к чужакам.

Пятая пожилая госпожа ошеломлённо взглянула на четвёртую пожилую госпожу, поскольку та прежде никогда не давала ей отпор на публике. Минлань же, усмехнувшись, вновь повернулась ко второй госпоже Бин.

— Прости меня за мои грубые слова, — сказала она. — Надеюсь, ты простишь меня, вторая сестрица. Я лишь сказала то, что было у меня на уме, поскольку я считаю тебя частью своей семьи.

Вторая госпожа Бин не знала, как ей следует на это ответить и лишь неловко улыбнулась в ответ. Первая госпожа Сюань воспользовалась этим шансом и, со вздохом погладив вторую госпожу Бин по руке, добавила:

— Ты можешь быть спокойна, Тинсюань уже раздал все необходимые поручения гонцам. Каждые два-три месяца братец Тинбин будет присылать нам письма, в которых расскажет о своём состоянии. К тому же, там есть, кому о нём позаботиться. С ним всё будет в порядке. Через несколько лет он снова вернётся к нам.

Вторая госпожа Бин шмыгнула носом и опустила голову. После этого она сидела молча и ни разу не издала ни звука.

Приподняв голову, первая госпожа Сюань и, через голову Тиньин многозначительно посмотрела на Минлань. Та улыбнулась ей и отвернулась в сторону выступающих артистов. Вторая госпожа Ди внимательно наблюдала за всем происходящим со стороны. Неожиданно она вспомнила, что она слышала, что старший сын Гу Тинсюаня, несмотря на свой юный возраст, уже был назначен на довольно высокопоставленную должность.

«Я всегда считала себя умным человеком», — тихонько вздохнув, подумала вторая госпожа Ди. — «Но я даже не успела вовремя сообразить и выбрать сторону, как эта назойливая госпожа Сюань... должно быть, она уже сблизилась с семьёй Гу Тинье. Эх, не стоит судить людей по внешности!»

В этот раз Минлань пришлось значительно потратиться на всех этих гостей. Все её двоюродные братья и сёстры, племянники и племянницы, составлявшие практически половину от всех гостей, все они получили подарки от неё. Даже если все они подарят что-нибудь ребёнку Минлань в следующем году, статья расходов всё ещё будет превышать статью доходов. Даже если она постарается родить как можно больше детей, к тому моменту, как их станет

достаточно много, у всех тех, кому она сегодня подарила деньги, появятся и свои дети. И тогда Минлань, или её детям, придётся дарить деньги и им.

О Боги, это выглядело для неё как бесконечная петля растрат. Ей наверняка предстояло потратить ещё много лян серебра на это. Какие убытки! К тому же, ей никоим образом не удастся как-то отбить эти инвестиции в обозримом будущем.

Ночью, вернувшись в свои покои, она с грустным лицом и обливавшимся кровью сердцем, поведала о своих неутешительных расчётах своему мужу.

В эту печальную эпоху, главным двигателем развития всё ещё оставалось плодородие. Услышав её слова, Гу Тинье расхохотался так сильно, что упал на кровать и почти протрезвел. Просмеявшись, он взглянул на Минлань, задержав взгляд на её животе, и отправился в свой кабинет. За чтением книг он неожиданно вспомнил, что кто-то когда-то сказал ему: «Нежность — ловушка для мужчин». Тогда он приказал слугам утащить господина Гунсуня с его кровати.

Спустя приблизительно неделю друзья и сослуживцы Гу Тинье принялись по очереди приезжать к нему в гости. Благодаря своевременным предупреждениям господина Гунсуня, Гу Тинье не допускал сбора шумной толпы в своём доме, дабы избежать возможной лишней критики со стороны императорских цензоров. Однако, к нему всё ещё приезжало множество людей, желавших подарить ему подарки в честь нового года.

Гу Тинье принимал их во внешнем дворе и велел привратнику впускать лишь тех, с кем он был знаком и ли тех, кто был достаточно важен. Минлань же сидела во внутреннем дворе и, мягко и вежливо улыбаясь, раз за разом говорила женщинам, которых не знала: «Не беспокойтесь о манерах», и детям «А ну вернитесь, земля холодная!»... Затем она обычно хвалила их, говоря «Какой замечательный ребёнок!». К счастью, у Минлань был план, как справиться со всем этим.

Перед этим она заранее заказала у ювелира золотые и серебряные слитки с вырезанными благоприятными иероглифами. Новый год был годом обезьяны, поэтому Минлань также попросила ювелира отлить несколько дюжин золотых обезьянок, которые были маленькими, но весьма красивыми, что делало их прекрасными подарками для всех этих детей.

Со всеми гостями, не важно, были ли они молчаливыми или красноречивыми, Минлань вела себя мягко и вежливо, и не позволяла себе предвзятости. Сказывалось жёсткое воспитание, данное ей пожилой госпожой Шен. Минлань прекрасно умела поддерживать идеальную осанку и выглядеть хрупкой и изящной, поэтому ей легко было обмануть всех этих людей. Она не болтала лишнего, но была приветливой.

Не удивительно, что спустя несколько дней все говорили о её замечательном характере и благовоспитанном поведении. Сама Минлань была рада этим слухам. В конце концов, публика часто подмечала даже малейшие детали.

Несмотря на все сложности, сопутствующие социальному взаимодействию, Минлань обожала

получать подарки. Люди в высших кругах власти были весьма внимательны. Никто, за исключением наиболее доверенных лиц Гу Тинье, не дарил им серебро или бумажные деньги, поскольку по штампам эти подарки легко можно было отследить.

Среди подарков были: полная коробка крупных жемчужин из южного Фуцзяня, небольшая нефритовая статуэтка Гуаньинь, которая была весьма тёплой на ощупь; декоративные персиковые деревца-бонсай, сделанные из золота, серебра и агатов, весьма похожие на настоящие; меха рыси, куницы и чёрной лисицы, пурпурная шерсть; медвежья желчь, грудная кость; снежный женишень...

— С этим всем точно не будет никаких проблем? — в голосе Минлань смешивались страх и восхищение. Сейчас она чувствовала себя продажным чиновником, и не знала, законно ли было вообще получать столько подарков.

— Если бы мы отказали всем этим людям, это только вызвало бы больше проблем, — ответил господин Гунсунь.

Однако, если бы Минлань могла посетить поместье брата императрицы, она не была бы так рада. Чиновники, работавшие в удалённых провинциях, понятия не имели о вкусах императора или о модных трендах при дворе. Это был их единственный шанс хоть как-то продвинуться по карьерной лестнице. К тому же, все подарки уже были проверены Цензором, и большинство из них были подарены Гу Тинье не без причины. Вся эта ситуация продлилась до десятого января.

По сравнению с оживлённым имением Чен, в котором даже привратники или самые младшие слуги лучились от счастья из-за количества полученных денег, в поместье хоу Нинъюань всё было довольно тихо. Все слуги втайне желали, чтобы Минлань поскорее начала заниматься делами семьи хоу Нинъюань, ибо в таком случае их жизнь наверняка бы улучшилась.

Однако Минлань в последние дни была довольно занята, и даже опасалась, что из-за этого пострадает учёба Жун. Поэтому, по просьбе Минлань Шао Ши стала присматривать за Сянь и Жун и помогать им с учёбой и шитьём. Это могло бы прозвучать странным, однако, несмотря на то что Минлань достаточно часто просила Шао Ши об услугах, той всё это, казалось, было лишь в радость.

Несмотря на то, что большую часть времени Шао Ши проводила с Чжу Ши и пожилой госпожой Цинь, Минлань ей нравилась куда больше.

Когда Шао Ши смотрела на двух девочек, строивших снеговика во дворе, или бегавших друг за другом, и на смеющихся служанок вокруг них, когда она видела здоровый румянец на их щеках, она чувствовала, что её грусть потихоньку отступает.

— Позовите девочек обратно, они играют уже практически полтора часа, — велела Шао Ши ближайшей служанке.

Заметив за воротами знакомый паланкин с парчовыми занавесками, одна из служанок с улыбкой сообщила:

— Прибыла жена второго господина Е.

Паланкин остановился прямо перед воротами, и Даньдзю помогла Минлань спуститься с него. Шао Ши тут же велела подкинуть дров в печь.

— Сегодня так холодно! — усадив в кресло Минлань, сказала Шао Ши. — Ты же беременна, зачем ты вышла на улицу? Ты могла бы просто позвать меня, если тебе что-то нужно.

— Мне было чересчур скучно, — ответила Минлань, снимая с себя плащ. — К тому же, мне не нужно было идти пешком, я поехала на паланкине, — сказав это, она обернулась к слугам и махнула рукой, чтобы те принесли им что-нибудь. — Вчера мне пришли два рулона шёлка. Цвет и качество показались мне весьма неплохими, поэтому я привезла их с собой. Ты можешь сделать из него одежду для Сянь.

Шао Ши понравился шёлк, привезённый Минлань. Он был красивым и блестящим. Цвета были довольно простыми, но узоры были изящными, что прекрасно подходило для одежды девочки, отец которой недавно умер.

Однако, хоть Шао Ши и была рада, она лишь скромно ответила:

— Она ещё маленькая. Тебе не нужно так на неё тратить.

— Я заказала одежду и для Жун, — хихикнув, ответила Минлань. — Они обе хорошо учатся и почтительно относятся к старшим. Сянь особенно прилежна и хорошо себя ведёт, её стоит вознаградить за это.

Шао Ши была рада услышать это. После того как шёлк унесли, они поболтали друг с другом ещё некоторое время. Затем Минлань, наконец, перешла к истинной цели своего визита.

— Тинцань скоро выходит замуж. Мы, как её сестрицы, должны подарить ей что-нибудь, чтобы создать подходящую атмосферу, правда, я совсем не знаю правил семьи Гу относительно этого. Сестрица, мне понадобится твоя помощь в этом, боюсь, я могу ошибиться.

Подумав о Гу Тинцань, Шао Ши поразмыслила некоторое время прежде, чем ответить:

— Когда я только попала в эту семью, сестрица Тиньянь уже была замужем. А когда замуж выходили дочери обоих наших дядюшек, никаких особенных правил не было. Просто... — она внимательно посмотрела на Минлань. — Сестрица Тинцань гордая девушка. Я боюсь, что некоторые вещи могут прийтись ей не по вкусу.

Свадебные подарки для невесты главным образом предназначались для пополнения её приданого. Богатые люди дарили магазины или имения, расчётливые дарили мебель, одежду и украшения, однако обычно невестки дарили друг другу лишь мелочи вроде заколок, браслетов или зеркал.

Минлань ожидала, что Шао Ши ответит подобным образом.

— Я слышала, что люди из семьи принцессы приходили, чтобы обсудить дату свадьбы, — ответила она. — Кажется, они хотят сыграть свадьбу поскорее. Почему бы нам не спросить их о том, что ей нравится? Тогда я хотя бы смогу начать готовить подарки.

Услышав это, Шао Ши почувствовала облегчение. Ей совершенно не хотелось обижать обе стороны, поэтому она с улыбкой согласилась.

— Отличная идея. Покои Тинцань рядом с моими, я схожу с тобой.

Понять, что Тинцань была любимицей семьи с самого детства, можно было даже по месту, в котором она жила. Её покои лучше всего освещались солнцем и находились в наиболее благоприятной точке поместья.

Ещё не успев войти в покои Тинцань, Минлань заметила во дворе много редких овощей. Даже в то время, когда ситуация во всём поместье была весьма плачевной, служанки в покоях Тинцань всё равно носили красивые новые одежды.

— Какое совпадение, сестрицы! Вы обе решили ко мне заглянуть, — будничным тоном поприветствовала их Гу Тинцань, сидевшая за нотным станом. Она выглядела прекрасной, как и всегда, однако на её лице отражалась смесь из гордости и грусти. Как будто бы её от прочих людей отделяла невидимая преграда.

В древности от благородных девушек требовалось быть вежливыми, робкими, возвышенными и нежными. Гу Тинцань не могла похвастаться ни одной из этих черт, однако, как ни странно, это было именно тем, что пожилой господин Гу обожал в ней.

Украшения в комнате были очень изящными и замысловатыми. В них не было повсеместного засилья золота и серебра, однако они прекрасно показывали её хороший вкус и благородное происхождение. На одной из стен висела роскошная картина, открытая книга, лежавшая на столе, была из очень редкого издания; красивые красные сливы на столе, казалось, были только что сорваны, однако они были помещены в очень редкую бутылку из белого фарфора.

В целом, стиль украшений в её покоях можно было назвать выдающимся. По сравнению с этой комнатой, комната Хуалань казалась слишком роскошной, а в комнате Жулань совершенно отсутствовали книги и подобные элементы.

Минлань вместе с Шао Ши обошла всю комнату, после чего, тихонько усмехнувшись, села в кресло. Наиболее любопытной для неё деталью в этой комнате было то, что все картины и свитки, развешанные на стенах, были трудами самой Тинцань. Даже большинство книг на столе содержали в себе стихи, которые она писала с детства, и которые теперь были увековечены на мягкой рисовой бумаге.

Шао Ши по праву старшинства сразу сообщила ей цель их визита.

— Сестрица, расскажи нам, что ты хочешь в подарок, а мы посмотрим, сможем ли мы что-то сделать.

<http://tl.rulate.ru/book/5280/1648844>